

## Глава шестнадцатая

Когда Гуань Хаобинь приехал в Вегетарианскую Куайи, Лю Сымянь и Даньтай Сяофэн уже сделали заказ.

— Нас всего трое, к чему столько заказывать? — проворчал Гуань Хаобинь, глядя на ломящийся от тарелок и пиал стол, когда официант закончил подавать блюда.

— Так ведь не каждый день выпадает случай поужинать с молодым господином Гуанем, — с усмешкой отозвался Лю Сымянь.

— К чему это ты клонишь? — Хаобинь небрежно махнул рукой официанту, собиравшемуся налить ему алкоголь. — Это что, прощальный банкет или поминальный обед? Поедим — и больше не свидимся, что ли?

— Ну что вы, офицер Гуань, — рассмеялся Лю Сымянь.

«Лишь бы ты улыбался, — пронеслось в голове, — а там хоть по миру пусти — не жалко»

Сымянь мотнул головой, отгоняя странный морок. С чего вдруг в голову лезет подобная чушь?

— Хорош заливать, а то лопнешь, — хмыкнул Даньтай Сяофэн. Ему и самому было в диковинку поведение приятеля: обычно степенный и сдержанный Сымянь рядом с этим полицейским раскисал на глазах и вел себя донельзя суетливо. — Ты что, в последнее время сказочно разбогател?

— Долг платежом красен, — улыбнулся Хаобинь. — В следующий раз плачу я. Негоже разорять тебя каждый день.

— Ну какое там «разорять»? Я ведь за прошлый раз толком и не извинился, — Сымянь заботливо откупорил для Хаобиня бутылочку питьевого йогурта. — У тебя сегодня отгул во второй половине дня? Может, пригубишь за компанию?

— Меня от одного запаха уносит, пощадите, — Гуань Хаобинь забавно сморщил нос и весело улыбнулся. — Лучше я по молочке. Раз уж у нас такой редкий случай, вам, пьющим, придется отдуваться за троих. Надеюсь, вы не откажетесь со мной чокнуться, пусть даже у меня в бокале молоко?

— Идет! Тебе — сколько влезет, а мы с Сяофэном — до дна, — великодушно махнул рукой Лю Сымянь.

— Эй, так нечестно, — взмолился Даньтай Сяофэн. — Нам что, каждый раз по целому стакану

осушать?

— Человек же ясно сказал — не пьет! Чего ты со своим наперстком жмешься, как девица красная? Мужик ты или кто? — Лю Сымянь из кожи вон лез, лишь бы не ударить в грязь лицом перед Хаобинем. Но в порыве усердия ляпнул лишнего: желая уколоть Сяофэна, ненароком намекнул, что непьющий мужчина — и не мужчина вовсе.

— Надо же, какой наш красавчик Лю brutalный, — с тонкой усмешкой протянул Гуань Хаобинь, покосившись на Сяофэна. — В университете, небось, от девчонок отбоя не было?

— Да ну, скажешь тоже, — смутился Сымянь, вовремя сообразив, куда клонит собеседник.

— Ну, почему же «да ну», — вставил свои пять копеек Даньтай Сяофэн. — Если не считать девчонок с нашего потока, то стоило нам только переступить порог вуза, как красавицы с матфака и инъяза давай засыпать его недвусмысленными намеками.

— Заткнись лучше, трепло, — сквозь зубы процедил Лю Сымянь, бросая на приятеля предупреждающие взгляды.

— А вы расскажите, учитель Даньтай, — с живым интересом попросил Хаобинь, приподняв свой стакан, чтобы чокнуться с Сяофэном.

— Эх, дела давно минувших дней, — Даньтай Сяофэн запрокинул голову и одним махом осушил стопку. — Как-то раз первая красавица математического факультета, Ху Шихуэй, заявила к нам в триста вторую комнату филфаковского общежития с огромным букетом роз. Стоит у двери и этак робко, с придыханием спрашивает: «А Лю Сымянь у себя?» Голосок — чистый мед, у любого парня сердце замирало. С тех пор наш красавчик и пал жертвой ее чар, заставив остальных воздыхательниц кусать локти от зависти.

— Ого, ничего себе! Сама королева факультета бегала за тобой? Сразу видно — харизма у нашего красавчика Лю зашкаливала, — картинно восхитился Гуань Хаобинь.

— Не слушай ты этого балабола, — Лю Сымянь со злостью зыркнул на Сяофэна. — Мы с Ху Шихуэй еще в школе вместе учились. Она тогда пришла просить о помощи — к ней привязался один настырный ухажер, проходу не давал.

— И она позвала тебя, чтобы ты его проучил?

— Да нет, в студенческие годы никто и не догадывался, что я из семьи мастеров боевых искусств, — улыбнулся Сымянь. — Всё было гораздо проще: нужно было притвориться её парнем, чтобы тот тип отстал раз и навсегда.

— Так вы, получается, просто разыгрывали спектакль? — вытаращил глаза Даньтай Сяофэн.

— А ты как думал? — хмыкнул Лю Сымянь.

— Ну, это же чистой воды самопожертвование, — покачал головой Хаобинь. На словах он сочувствовал, но в душе у него не было ни капли жалости — напротив, в груди разлилось приятное тепло, похожее на облегчение. — Девчонки ведь думали, что ты занят, и обходили тебя стороной. Столько шансов упущено!

— То-то и оно! Мы все четыре года в универе были уверены, что вы идеальная пара, — вздохнул Даньтай Сяофэн. — А после выпуска пути разошлись.

— На самом деле Шихуэй тоже оказала мне услугу. Терпеть не могу заводить шуры-муры с девушками. Да и к чему эти траты на свидания? Из кожи вон лезть, чтобы развлечь барышню, а потом выяснится, что ты просто растил чужую будущую жену, — Сымянь произнес это, глядя прямо на Хаобиня, словно торопясь доказать свою безупречную репутацию и равнодушие к женскому полу.

— Тьфу, ну и логика у тебя, — хохотнул Сяофэн.

— И что, до сих пор общаешься с этой красавицей? — не унимался Гуань Хаобинь, продолжая копать в том же направлении.

— Какое там «общаешься», после выпуска ни разу даже не созванивались, — поспешил откреститься Лю Сымянь, обрубая все подозрения на корню.

— Раз уж она была первой красавицей, то, должно быть, и впрямь хороша собой. И насколько же? — с самым серьезным видом поинтересовался Хаобинь у Даньтай Сяофэна.

— Да там такая внешность — глаз не отвести! Глаза как у Фань Бинбин, губы как у Мэгги Чун, декольте как у Эми Йип, а ножки — как у Линь Чилин! — Сяофэн картинно зажестиковал, подмигивая Сымяню. — Как-никак почти четыре года прожили бок о бок на правах фиктивных супругов. Не верю, что вы так легко оборвали все ниточки. Признайся, небось, до сих пор созваниваетесь тайком?

Сымянь едва сдерживался, чтобы не отвесить шутнику хорошего пинка. С трудом выкроил момент, чтобы вырваться из-под неусыпной опеки кузена Хаобиня, генерального директора Тана, и остаться с молодым офицером наедине, надеясь произвести приятное впечатление — и на тебе, этот болтун всё испортил своей грязной метлой! Заметив, как Хаобинь выжидающе уставился на него своими блестящими глазами, Лю Сымянь понял, что отмалчиваться глупо, да и не хотелось портить настроение этому любопытному созданию.

— Слышал от школьных приятелей, что жизнь у нее не сложилась, — нехотя заговорил он. — Точнее, всё вышло довольно паршиво. Связалась не с тем человеком. Муж оказался домашним тираном: регулярно поднимал на нее руку, избивал до полусмерти, превратил в бледную тень прежней себя. В конце концов они развелись, но сына суд оставил отцу.

— А что потом? — тихо спросил Гуань Хаобинь.

— Потом... Да ничего. Каждому своя дорога. Мы не были так близки, как вам кажется. За все шесть-семь лет учебы в школе и университете мы с ней, пожалуй, наговорили меньше слов, чем я сейчас произнес в беседе с тобой. Лучше ты расскажи о своих амурных делах, офицер Гуань, — Сымянь ловко перевел стрелки, возвращая фокус внимания на Хаобиня. — Небось, у тебя-то послушной список побогаче моего будет?

— У меня? Всё скучно до безобразия. Ни драм, ни страстей — тишь да гладь, — Хаобинь поднял стакан и чокнулся с потянувшимся к нему Лю Сымянем.

— Рассказывай сказки детсадовцам, — усомнился Сымянь. — Такой видный парень, да еще чтобы без подружки в студенческие годы? Быть не может.

— Но это чистая правда. Сам порой удивляюсь.

«Девчонки на меня даже не смотрели, зато парни из кожи вон лезли, чтобы подлизаться да выслужиться»

Они болтали, чокались, переходя от последних городских новостей к рабочим курьезам. Время летело незаметно и весело. Рядом с Хаобином Лю Сымянь терял всякую бдительность. Стоило офицеру сделать крошечный глоток своего молока, как Лю Сымянь опрокидывал в себя стопку за стопкой. Хаобиню это показалось забавным: вспомнив, как кузен расхваливал невероятную стойкость Сымяня к спиртному, он решил проверить того на прочность и принялся то и дело поднимать бокал. Ну а этот доверчивый простак послушно глотал алкоголь по первому знаку, даже не думая сопротивляться. В итоге две бутылки байцзю опустели, а из троих собутыльников на ногах остался лишь один.

Стоит отдать должное Лю Сымяню — пьянел он благородно: просто уронил голову на сложенные руки и мирно отошел ко сну, улетев мыслями в чертоги грез. А вот Даньтай Сяофэн оказался из буйных. Стоило градусу ударить в голову, как его понесло: посыпались пьяные монологи обо всем на свете — от древней истории до покорения космоса.

Глядя на эту живописную парочку, Гуань Хаобинь запоздало пожалел о своей затее. Словно у него на лбу было крупными буквами написано «Банкомат». Когда они выбирались посидеть с этим охлагоном Ци Фэем, тот каждый раз клялся, что угощает, а платить в итоге приходилось Хаобиню. Вот и сейчас та же история. Черт с ним, со счетом, но что делать с двумя тушами, каждая из которых выше и тяжелее его самого? Придется эвакуировать их по очереди. Благо школьный учитель еще хоть как-то держал вертикаль — с него и начнем.

Хаобинь бесцеремонно запустил руку в карман активно жестикулирующего Сяофэна, выудил телефон и нашел в списке контактов его пассию — Чжэн Сяони, известную в их кругах как Масляная Лепешка. Набрав номер, он коротко обрисовал ситуацию и предложил забрать своего «потеряшку» из Вегетарианской Куайи. Сяони знатно удивилась, услышав, что ее благоверный пирует в компании полицейского, и даже хотела расспросить, не знает ли тот Ян

Хуэя, но пьяный учитель вел себя из рук вон плохо. Он принялся во весь голос орать песни на весь ресторан, а после и вовсе потребовал везти его в караоке. Недолго думая, разъяренная Чжэн Сяони взяла суженого за ухо и, несмотря на вялые попытки к сопротивлению, выволокла его на улицу, где силой запихнула в такси.

Избавившись от одного балагана, Хаобинь со вздохом посмотрел на спящего мертвым сном Лю Сымяня. Тащить такую гору мышц в одиночку казалось задачей нереальной. Поколебавшись, он набрал номер кузена.

— Издеваешься? — расхохотался в трубку Тан Шаочуань. — Ты, непьющий трезвенник, умудрился уложить нашего богатыря Сымяня на лопатки?

— Стал бы я тебе врать. Хочешь, фото в ммс пришлю? — огрызнулся Хаобинь. — Давай дуй сюда быстрее, он огромный, я его один не подниму.

— Зачем тебе его поднимать? Пусть полежит, проспится пару часиков и сам на ноги встанет. Не парься, поезжай по делам. Я сейчас на поле на Хребте Изумрудной Клетки, гоняю мяч с партнерами, вырваться никак не могу.

Судя по всему, Тан Шаочуань прекрасно знал особенности организма своего телохранителя.

— Ладно, обойдусь без тебя, — буркнул Хаобинь и нажал отбой.

Бросить человека здесь на произвол судьбы, как советовал кузен, не позволяла совесть. Пусть платил Хаобинь, но ведь парень искренне хотел его угостить от всей души. Вздохнув, он решил действовать самостоятельно.

К счастью, машина была припаркована неподалеку. Поманив одного из официантов, Хаобинь с его помощью кое-как дотащил обмякшее тело до машины и уложил Сымяня на заднее сиденье.

Сев за руль, Гуань Хаобинь задумался, куда везти этот неподъемный груз. Везти его домой в таком виде не хотелось. Вдруг в голову пришла мысль: у реки сейчас свежо, ветер быстро выветрит хмель.

От этой идеи на душе почему-то стало не по-зимнему тепло и радостно, словно он затевал маленькое, но безумно увлекательное приключение. Чтобы родители не потеряли его и не начали обрывать телефон, Хаобинь набрал домашний. Предупредил, что задержится с друзьями и приедет попозже. Тан Лань, как всегда, разразилась долгой тирадой с напутствиями и предостережениями, прежде чем милостиво разрешила вешать трубку.

После этого Хаобинь заскочил в ближайший круглосуточный магазин. Купил минералки, пару банок антипохмельного напитка, влажные салфетки, бумажные платки и полотенце. Убедившись, что у него есть всё необходимое, он завел мотор и взял курс за город.

Добравшись до берега реки Ланьфэй, он выбрал уютный, залитый солнцем пятачок с хорошим обзором. Заглушил двигатель, настроил кондиционер на комфортную температуру, а сам вышел наружу, подставив лицо прохладному воздуху.

Стояла глубокая зима. Деревья вдоль берега давно сбросили листву, и только редкие голые ветви покачивались на ветру. Солнечные лучи дрожали на водной глади, рассыпаясь мириадами искр, похожих на серебряную пыль. Из жухлой травы то и дело с тихим шорохом выпархивали птицы — белолобые скворцы и куропатки. Поодаль на воде качались дикие утки, то исчезая под темной водой, то бесшумно выныривая обратно.

Хаобинь оперся о капот и стал разглядывать раскинувшийся на том берегу город. В суете будней редко замечаешь эту красоту, но отсюда, издалека, мегаполис казался совсем другим. Пейзаж, такой знакомый и одновременно чужой, вызывал в груди щемящее чувство тоски и нежности.

Накатила странная, необъяснимая грусть. Ему вдруг захотелось запеть во весь голос. В мыслях отчетливо всплыл образ матушки Цянь из приюта, ее ласковые, теплые ладони, когда-то гладившие его по голове. Глядя на ленивое течение реки, Хаобинь почувствовал, как глаза предательски застилают слезы. Он сам не заметил, как зашептал старую детскую песенку:

«Персик алеет, вишня бела,

Желтая ива в саду расцвела;

Квакают жабы в зеленом пруду,

Бабочки пляшут у всех на виду;

Пахнет корицей, клинья летят,

Пышные астры на клумбах блестят;

Сверчок распевает, камсина цветет,

Зимняя роза из снега встает...»

Слезы покатались по щекам. Удивительно: столько лет прошло, а он до сих пор помнит каждое слово, которому его учила матушка Цянь. Покинув приют, он так ни разу туда и не вернулся. Как они там проживают? Помнит ли еще его старший брат Дундун своего вечного маленького хвостика?

Из размышлений его вывел тихий шорох, донесшийся из салона. Решив, что Сымянь наконец пришел в себя, Хаобинь поспешно распахнул дверцу. Но нет — тот по-прежнему спал, просто поворочался, пытаясь устроиться поудобнее на узком сиденье.

Хаобинь забрался внутрь, поправил подушку сиденья и аккуратно приподнял голову парня, устраивая её поудобнее. Сымянь дышал ровно и глубоко. Хаобинь поймал себя на том, что завороченно рассматривает его лицо: густые, идеально очерченные брови, волевою линию подбородка, упрямый изгиб носа и чувственные, слегка влажные губы. Не удержавшись, он протянул руку и коснулся его щеки. Пальцы медленно скользнули по лбу, очертили переносицу и замерли возле губ.

В груди затрепетало странное чувство. Хаобиню всегда безумно нравился запах, исходящий от Лю Сымяня, и сейчас этот аромат пьянил его сильнее любого алкоголя. Забыв обо всем, он перебрался на заднее сиденье. Осторожно переложил голову парня к себе на колени, одной рукой приобнял его за плечи, а другой осторожно сжал его широкие ладони.

«Всё равно спит как убитый, ничего не узнает, — мысленно оправдывался Хаобинь. — К тому же так ему гораздо удобнее. Чем не кожаный диван?»

Делать было нечего, и Хаобинь принялся легонько перебирать короткие волосы на макушке спящего. Он то приглаживал их, то легонько касался бровей, то очерчивал контур ушей, забавляясь, словно с плюшевым медведем. Сымянь даже не шелохнулся, покорно снося все эти нежности.

«Удивительно, — подумал Хаобинь, глядя на это абсолютное спокойствие. — Другие по пьяни буянят или спят лицом в салат, а этот — тише воды ниже травы»

Взгляд снова упал на его губы — пухлые, красноватые. В голове промелькнула безумная, пугающая мысль:

«Интересно, каково это — поцеловать его?»

Осознав, о чем думает, Хаобинь мгновенно залился густой краской. Он резко отдернул руку и вlepил себе звонкую пощечину.

«Совсем крыша поехала! О чем я только думаю? Что за чертовщина лезет в голову?!»